

18+

НИКОЛАЙ ГОРОЖАНКИН

ВЛАДИМИР

СПАС

КНИГА ВТОРАЯ • ОСОЗНАНИЕ БЫТИЯ

Николай Горожанкин Владимир. Книга вторая. Осознание бытия

<https://litres.ru/73872929>

ISBN 9785006985209

Аннотация

Продолжение книги «Владимир (Невозможное возможно)». В первой книге были описаны события, которые происходили в реальности. Во второй части есть некоторые события, происходившие в жизни разных персонажей, но в целом эту часть можно отнести к фантастике и мистике. Каждый из нас окружающий мир воспринимает со своей точки Осознанности и поэтому вам, уважаемые читатели, судить, где заканчивается реальность и начинается мистика.

Содержание

Глава 1. Кум	5
Глава 2. Верочка	12
Глава 3. Обстоятельства	20
Глава 4. План	36
Глава 5. Куркули	42
Глава 6. Вор	53
Глава 7. Черная масть	58
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Владимир

Книга вторая.

Осознание бытия

Николай Горожанкин

Корректор Юрий Кудряшов

Иллюстратор Ксенон

Дизайнер обложки Клавдия Шильденко

© Николай Горожанкин, 2026

© Ксенон, иллюстрации, 2026

© Клавдия Шильденко, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0069-8520-9 (т. 2)

ISBN 978-5-0069-8521-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Кум

Поезд шел далеко на север. Ехали долго, больше десяти дней. Потом на каком-то полустанке их перегрузили в закрытый фургон тюремного типа и повезли по лесным дорогам. С обеих сторон была только тайга. Ехали часов семь. Может, больше. Давно уже потемнело, и, скорее всего, была уже ночь. Наконец-то приехали.

— Слышь, Лёха, неужели мы сейчас доберемся до шконки?

— Да не похоже. Скорее всего, еще будет политинформация.

Дверь автозака открылась. Скомандовали выходить по одному, руки за голову. Владимир с Лёхой выпрыгнули из машины. Встречал сам начальник тюрьмы, по-местному называвшийся кум. Кум по виду был человек серьезный и суровый. По-видимому, повидавший горя на своем веку. На вид лет сорока пяти, со стальным взглядом. Его глаза, казалось, могли пробуравить в человеке дыру насквозь. «Да, — подумал Владимир, — суровый нынче у нас начальник попался. Этот шутить совсем не умеет. Наверное, жизнь в ближайшие семь лет будет веселая». Кум посмотрел на двоих вновь прибывших с ног до головы и сказал:

— Интересно, че это так много предписаний по поводу вас двоих мне написали? С виду вроде обычные парни.

Дальше кум провел политинформацию: что можно, а чего нельзя, из чего следовало, что, кроме как дышать, больше ничего нельзя и дышать можно только по разрешению начальства. Стало совсем как-то грустно. Оптимизма не добавляло и само здание тюрьмы, построенное в виде правильного куба как в ширину, так и в высоту. Здание было бетонным, по цвету серым и мрачным. Наконец-то их отвели в камеру, и, к приятному удивлению, камера оказалась двухместной. Это была самая приятная новость за последние две недели.

13 января, когда привезли Владимира с Лёхой, в ночь на 14-е, начальник тюрьмы не спал всю ночь. Бессонница с некоторых пор стала его ночной феей и помогала начальнику тюрьмы коротать время по ночам, чтобы ему было не скучно. Это была не единственная подруга Евгения Васильевича — так звали кума. Вторая подруга, которая спала всю жизнь, недавно проснулась и напрочь прогнала крепкий здоровый сон — эту подругу звали совесть. Совесть Евгения Васильевича была не такой безобидной, как могло показаться изначально. Она беспощадно грызла кума — так, что прямо съедала его со всеми потрохами. После этого то, что оставалось от начальника, она начинала мучить, жечь изнутри, давить на сердце и голову. Причем так, что иногда болело сердце, а потом — голова, а иногда — вместе.

Евгений Васильевич страшно не любил ночь, потому что поневоле, как заключенному, приходилось каждую ночь идти на пытки до самого утра. Начальник тюрьмы пребывал в

тюрьме двадцать пять лет, а в камере ночных пыток совести он находился семь лет. С недавних пор Евгений Васильевич решил обмануть ночную мучительницу и выпивал на ночь граненый стакан водки: совесть отступала на некоторое время, но часа через четыре, как голодная тюремная овчарка, с удвоенной силой нападала и беспощадно грызла заключенного в двойной тюрьме совести.

В ту ночь, по обыкновению, Евгений Васильевич принял снотворное и уснул, а в три часа ночи опять приснился тот же сон, который снился на протяжении семи лет: он — в пыточной камере, которую сам приказал сделать для особого гостя, Травникова Валерия Серафимовича, отбывавшего срок по статье 117 УК РФ, за совращение и изнасилование несовершеннолетней Дроздовой Вероники Игоревны сроком пятнадцать лет. Во сне начальник избивал Валерия с изощренной жестокостью и знанием дела. Ему хотелось признания осужденного, но Валерий только истошно орал, что не насиловал никого. От этих криков и вскакивал Евгений Васильевич в холодном поту каждую божью ночь.

Так как уснуть уже не представлялось возможным, начальник решил ознакомиться с делами вновь прибывших. Особенно его заинтересовало дело Аксёнова Алексея. Там было написано, что осужденный незаконным способом трижды уходил от службы в армии, воздействуя на сознание призывной комиссии. «Хм, интересно, это как так — „воздействовал“? Гипнотизер, что ли? Нужно прямо с утра пого-

ворить с этим специалистом. Что там еще написано в предписании по поводу этого Аксёнова?»

Написано было много, но начальник особо обратил внимание на то, что рекомендовалось как можно меньше общаться и допускать общения с другими заключенными и охраной заключенного Аксёнова. «Это что же за Аксёнов-то такой на мою голову свалился?» Евгений Васильевич даже не подозревал, насколько он прав. Он посмотрел на часы: стрелка доходила до без четверти шести. Евгений Васильевич нажал кнопку под столом — в комнату вошел дежурный.

— Да, Евгений Васильевич, я вас слушаю.

— Давайте-ка мне завтрак. И через час ко мне Аксёнова на собеседование.

Утром Владимир проснулся от яркого северного солнца, которое светило в небольшое окошко камеры. Настроение было хорошим, насколько оно могло быть хорошим в таком месте.

Лёха уже не спал. Он сидел в позе лотоса и медитировал с закрытыми глазами. Владимир не стал его трогать. Он лежал, заложив руки за голову, и мечтал о будущем. Снаружи заскрежетал замок, и в камеру вошел охранник.

— Аксёнов, на выход!

Лёха молча встал, заложил руки за спину и вышел из камеры. Длинные до бесконечности коридоры привели заключенного к двери, на которой было написано: «Дроздов Евгений Васильевич, начальник тюрьмы». Лёха вошел в кабинет

и доложил по форме:

— Заключение Аксёнов, статья 328, часть первая, статья 316, осужденный на срок семь лет.

Лёха замолчал. Начальник смотрел на него молча, с любопытством. Через пару минут сказал:

— Да знаю я, по каким ты статьям чалишься. Ты мне лучше скажи, Фокусник, как это ты смог три раза комиссию уговорить не брать тебя в армию?

— Евгений Васильевич, давайте начнем сначала. По сути дела, меня призывали в Афганистан, и я решил лучше отсидеть срок, чем отлежать в могиле. Совсем не хочется переходить в мир иной.

— А ты, я смотрю, умеешь зубы заговаривать. Ты так на вопрос и не ответил. Так что можешь добавить по существу дела? — передернул начальник.

— У меня бабушка была целительница.

— Это че, значит, ведьма? — Начальник рассмеялся, потому как ни в Бога, ни в черта не верил. Он верил в людей и самого себя. Только за последние двадцать пять лет все больше разочаровывался в людях и уже стал сомневаться, есть ли вообще нормальные люди или они перевелись, вымерли, как динозавры.

— Напрасно вы смеетесь, Евгений Васильевич. Вот, скажем, могу точно сказать, что вас что-то очень сильно гложет. Да так сильно, что вы почти не спите по ночам и, смею предположить, даже принимаете снотворное.

— Откуда это такие выводы у тебя, Аксёнов?

— Цвет лица у вас изменился, лицо изможденное, глаза красные, морщины — как будто вас истязали.

— Ну, раз ты такой умный, посоветуй, что нужно делать. Может, травку какую попить? Тут их в тайге много летом.

— Посоветовать мне вам нечего, а вот от беды этой вас могу избавить. Только мне нужно знать, что за беда с вами приключилась.

— И как это, интересно, ты сможешь это сделать?

— Ну это как клубок с нитками размотать — и нет больше ничего, а нитки ветер снесет далеко-далеко за синее море и высокие горы, в болота не хоженные, в места не броженные...

Евгений Васильевич начал клевать носом, но встрепенулся и заорал:

— Так, хватит мне тут голову морочить!

— Евгений Васильевич, рано или поздно бессонница сыграет с вами злую шутку. Я, как внук своей бабки, это знаю. А ведь можно все исправить уже сейчас.

— Конвойный! — заорал начальник.

Вошел конвойный.

— Этого в камеру!

Лёха выходил из кабинета, когда услышал:

— Аксёнов, а ты так и не ответил на вопрос!

— Да отвечу я вам на ваш вопрос, Евгений Васильевич, обязательно отвечу.

Дверь за ним закрылась, и Лёху повели по бесконечным

коридорам в его камеру.

Владимир с нетерпением смотрел на Лёху.

— Ну что там? Рассказывай.

— Да похоже, начальника что-то сильно гложет. Где-то он вступил, похоже. А что нас гложет? — спросил Лёха, смотря на Владимира.

— Что нас гложет? — переспросил Владимир, уставившись на Лёху.

— Совесть нас гложет, Влад. Только совесть может так довести человека до бессонницы.

Глава 2. Верочка

Вера была счастлива. Все, о чем она мечтала, сбывалось, потому что отец в ней души не чаял и исполнял все ее желания. В 1976 году 13 декабря ей исполнялось шестнадцать, и отец ей обещал привезти из Болгарии фирменный джинсовый костюм Wrangler. И это был верх мечтаний. Верочка представляла, как она придет на дискотеку и как на нее будет смотреть Славик, который ей нравился с первого класса. Ей казалось, что она его сильно любит. И это чувство росло в геометрической прогрессии еще оттого, что Славик никак не хотел обращать на нее внимания, сколько она ни делала попыток.

Славику, как назло, нравились другие девочки и мотоциклы, а Верочку он считал заносчивой и горделивой и не хотел прокатить на своем «Чезете». Подружки рассказывали, как их катал Славик, а потом в лесополосе, где нет посторонних глаз, они целовались. Это было так романтично, аж дух захватывало. Казалось, весь мир лежит у твоих ног. Верочка злилась и даже поссорилась с одной из подружек, которую Славик катал больше других. Она решила: во что бы то ни стало Славик должен быть ее. И вот теперь, когда у нее будет Wrangler, она своего добьется.

День рождения был шикарным. Праздновали в кафе «Синья птица». Славик тоже был приглашен, и в качестве по-

дарка Верочка предложила покатать ее на мотоцикле. В тот вечер Верочка перепила шампанского, которое, не медля ни секунды, ударило ей в голову. И, когда, покатавшись, стали целоваться в лесу, все вышло из-под контроля — и Верочка пришла в себя голая на даче у Славика. Славик был уже одетый, он за столом пил чай. Увидев, что Верочка пришла в себя, он хладнокровным спокойным голосом сказал:

— Ну что, одевайся, нужно ехать домой, а то родители будут волноваться.

Не успела Верочка переварить сказанное, он добавил:

— Да, и не вздумай ничего говорить. Ты знаешь, кто мой отец. Мне все равно ничего не будет, а ты позора не оберешься. Оно тебе нужно?

Верочка ничего не поняла. Ее разрывало от обиды, что вместо ласковых слов про любовь ею подтерлись, как туалетной бумагой, да еще и эти угрозы!

Целую неделю Верочка ходила злая, как мегера. А потом, слушая треп подруг по дороге из школы про женские дни, поймала ступор: оказывается, у нее нет месячных, которые должны были начаться еще позавчера!

Прошла еще неделя — месячных не было. Еще через неделю ее начало тошнить. В больницу можно было не идти — и так все было ясно. Маме тоже говорить ничего нельзя: она сразу же все расскажет отцу, а перед отцом она не могла так низко пасть, потому что отец ее с рождения посадил на божничку и сдувал с нее пылинки. Что же делать?! Что

делать?!

И тут кто-то из подруг сказал, что ходили к знатной гадалке и что она очень хорошо гадает и берет немного — всего три рубля за сеанс. Верочка взяла адрес, деньги и на следующий день отправилась погадать. Пришла по адресу, позвонила в дверь. Открыла немолодая женщина, похожая то ли на гречанку, то ли на цыганку.

— Добрый день, — поздоровалась Верочка. — Мне бы погадать.

— Заходи, проходи в комнату.

В комнате стоял круглый стол. На столе стоял стеклянный шар. Верочка присела на стул. Пришла хозяйка, села напротив.

— На что будем гадать? — спросила она у Верочки.

— На судьбу, — тихо прошептала гостья.

Гадалка сделала большой расклад. Ее лицо все время менялось не в приятную сторону. Она долго смотрела то на карты, то на пришедшую и в результате спросила:

— Ты что, беременная?

— А откуда вы узнали?

— Я у тебя спрашиваю: ты беременная? — более грубым тоном, не терпящим возражений, спросила гадалка.

— Да, и что мне делать?

— Рассказать все отцу.

— Нет, я не могу, вы не понимаете...

Верочка не успела договорить, гадалка ее перебила:

— Я не понимаю?! Это ты не понимаешь, что делаешь. Если ты не расскажешь все отцу, ты даже не представляешь, какую беду ты навлечешь на себя, на ребенка и на свое окружение! Все, уходи. Где дверь, ты знаешь.

— А скажите, что будет?

— Пошла вон отсюда! — Гадалка показала пальцем на дверь.

— Вот, возьмите деньги, три рубля. — Верочка протянула три рубля по рублю гадалке.

— Твоих денег я не возьму. А твоя жизнь, если меня не послушаешь, станет похожа на эти бумажки.

Верочка посмотрела на купюры. Они и вправду были очень помятые, старые и какие-то засаленные, как будто о них вытирали жирные руки. «Откуда, интересно, они у меня такие взялись?» — подумала Верочка и с этими словами вышла за дверь.

Всю дорогу домой Верочка злилась и ругала гадалку: «Тварь, вот же тварь! Наврала кучу ерунды и еще как со мной разговаривала — как с проституткой подзаборной какой-то! Я просто убить ее за это готова. Ну хорошо, хоть деньги не взяла. — От этого у Верочки настроение немного улучшилось. — Ладно, ерунда, я что-нибудь обязательно придумаю».

И тут, как на удачу, через шесть дней намечался день рождения у Оли, и там должен был быть Валера со своей женой. Только как сделать так, чтобы его жена куда-то делась? Вале-

ра был двоюродным братом Оли, и его пригласили как старшего, чтобы он проследил — ну, чтобы ничего непристойного на дне рождения не было. Ко дню рождения Верочка готовилась по полной программе: заранее избила себя так, что и спина, и ниже спины — все было в синяках. Не забыла достать и снотворное.

Когда все собрались, Верочка вышла к телефонной будке, набрала номер квартиры Оли и попросила пригласить Таню, жену Валеры. Представилась, что звонит с работы и что Татьяне нужно срочно приехать на работу в больницу, это распоряжение главврача. Пока Таня ездил на работу, Верочка не теряла времени: добавила снотворного Валере и потащила его в комнату. При этом комнату закрыла изнутри, Валеру раздела, сама тоже разделась, а блузку порвала и легла дожидаться Таню.

Так как в доме было веселье и танцы, их отсутствие игнорировали до приезда Тани, которая стала искать мужа и нашла его спящим, а Верочку — якобы без сознания. В доме поднялся скандал, вызвали милицию. Верочка плакала и утверждала, что Валера ее изнасиловал. День рождения закончился трагически: гости расходились в шоке, Валера ничего не помнил, Таня рыдала навзрыд. Зато Верочка тихо радовалась, что добилась своего: ей было выгодно быть жертвой, к тому же и папа носился теперь с ней как с писаной торбой.

Суд состоялся быстро. Валеру упекли за изнасилова-

ние, развращение несовершеннолетней и жестокое избиение жертвы. То, что Валера был женат, пошло как отягчающее обстоятельство. Психиатр признал его вменяемым. В сумме светило от пятнадцати лет до вышки. На суде Верочка вошла в роль и устроила трагикомедию с психическим расстройством и обмороком — и Валере впаяли вышак. Папа Верочки написал длинное письмо своему родному брату, Дроздову Евгению Васильевичу, где подробно изложил все мучения, которые перенесла его бедная дочка, и попросил, если вдруг этот изверг появится в его заведении, чтобы тот знал, кто испортил жизнь их семье.

Волей судьбы Валеру отправили именно в то заведение, где служил начальником Евгений Васильевич. Там должны были привести приговор в исполнение через полгода. Когда Евгений Васильевич узнал, что к нему направляется обидчик племянницы, кровь в жилах закипела, и он приказал сделать пыточную камеру, чтобы развязать язык Валере, так как на суде тот не признал своей вины. Валера прожил недолго — немногим больше трех недель. Чем больше его пытали, тем сильнее он отрицал свою вину. Это выводило из себя начальника — и Валеру пытали еще больше. Через три с половиной недели Валера перешел в мир иной, а начальник не почувствовал облегчения, потому что Валера так и не признался. Более того, у начальника стали закрадываться сомнения по поводу вины Валеры — ведь не мог человек от таких истязаний просто упираться. Может, что-то не так в

этом деле? Может, что-то перепутали?

В это время Верочка дома активно избавлялась от нежелательного плода любви. Она то пила разные таблетки по совету умных подруг, чтобы был выкидыш, то парилась в горячей ванне, а одна из подруг посоветовала — мол, где-то слышала, что нужно прыгать с лестницы, желательно с последней ступеньки, тогда зародыш оторвется. От всех Верочкиных стараний ничего видимого не происходило, зато ребенок перевернулся и запутался в пуповине. Родила Верочка, если это так можно назвать, на седьмом месяце с помощью кесарева сечения. Причем ребенок был даун, инвалид детства. Отец и мать пребывали в ужасе от такой жизни: ребенок орал ночами напролет так, что в доме никто не мог спать.

А еще через полгода случилось следующее. Славик с папой ехали поздно вечером с дачи. Папа Славика был за рулем. Они спешили, потому что завтра папе нужно было идти на работу, и влетели в тоже спешивший КАМАЗ, только в обратном направлении. Папа Славика даже не успел испугаться — умер сразу, а Славику ампутировали ноги до самой спины, но жив он остался и после реабилитации, когда пришел в себя, все рассказал Верочкиному папе. Верочкин папа все рассказал жене и написал длинное письмо своему брату, начальнику тюрьмы, что бедный-несчастный Валера ни в чем не виноват, оказывается. Внизу дописал постскрипту, что он больше жить так не может и просит в его смерти никого не винить.

На следующий день Верочкин папа повесился на собственной люстре. Мама тоже долго не протянула и аккуратно после похорон напилась каких-то таблеток и перешла в мир иной. Верочка, недолго думая, нашла выгоду для себя из всего этого — и заставила Славика жениться на ней. Так сбылась очередная мечта Верочки, как и все те, которые она загадывала ранее.

Глава 3. Обстоятельства

5:30 утра. Северная часть Архангельской области. Тюрьма особого назначения. Начальник тюрьмы стоял возле зеркала в своей комнате и внимательно рассматривал свое изможденное лицо. Прошел какой-то месяц, а он устал и осунулся, как будто какой-то старик. Да тут еще вчера позвонили из Москвы и сказали, что на следующей неделе приедет комиссия в связи с новым назначением генерального секретаря.

— Да, — сказал он вслух, — новая метла метет по-новому. А может и вовсе вымести из дома на мороз. Как ни крути, а придется принимать предложение Аксёнова.

Пить водку по ночам не было никаких сил.

Не так он представлял себе свою жизнь, когда он, молодой красивый отличник Высшей школы милиции, мечтал, как он будет расследовать особо важные дела и станет важняком, как принято говорить в определенных кругах. Он вспомнил тот день, когда отец пришел с работы без настроения и не хотел рассказывать, что ему угрожал осужденный им за якобы совершённое убийство человек. Все факты были против этого парня. Тогда этот парень в последнем слове сказал:

— Я отсижу эти пятнадцать лет и приду сюда. А так как я никого не убивал и отсидел авансом, за это я убью тебя, уважаемый товарищ судья.

Эти слова очень сильно запали в душу отцу. Он долго не

мог их забыть. Но время стирает память — и в результате отец тоже забыл о том осужденном. Прошло пятнадцать лет — и в один из зимних дней прямо в здании суда этот сиделец вонзил заточку прямо в сердце отцу. При этом там же и остался, публично признавшись в убийстве.

Евгений тогда уже служил в звании майора. Следовательно по особо важным. Ему позвонил коллега отца и сообщил эту новость. Что было дальше, Евгений помнил, но не отдавал себе отчета в дальнейших действиях. Под руку попалась отвертка, которой жэковский электрик поправлял розетку в его кабинете. Здание суда находилось в двух кварталах. Евгений взял отвертку прямо из рук электрика. Тот удивленно посмотрел на Евгения, на что Евгений ему спокойно ответил:

— Не переживайте, мне для дела нужно.

Эти два квартала он шел как во сне. Весь его мир рухнул в один момент. Евгений воспитывался в атеистической семье и не верил ни в черта, ни в Бога. Для него отец был богом, которого он боготворил до некоего поклонения и безмолвного угождения. И вот его бога убили. Евгений не помнил, сколько времени он шел и как дошел. На входе показал удостоверение и навел справки, где находится убийца отца. Его провели в комнату, где убийца ждал тюремного конвоя. Евгений попросил всех выйти — якобы для предварительного допроса. Двое охранников молча покинули помещение.

Евгений молча достал отвертку и молча стал наносить

удар за ударом в область сердца. Всего восемнадцать ударов. На девятнадцатом его положили на пол лицом вниз. Потом тюремная камера — и не было никаких сожалений о содеянном. В тот период было много высокопоставленных гостей из суда — его высокое начальство, даже генеральный прокурор. Все что-то обещали, соболезновали, старались поддерживать. Евгению было все равно, что с ним будет дальше. Через месяц следователь по его делу ему сказал:

— Ты знаешь, Евгений, я до сегодняшнего дня не верил в Бога, но сегодня поверил. Убийца твоего отца выжил и готов дать показания в суде.

Евгений громко рассмеялся:

— Как выжил? Он не мог выжить! Я же его приговорил! Вы что, меня решили разыграть, Фёдор Семёнович? Нет! Этого не может быть! Для чего вы мне рассказываете этот бред?

— Евгений, я тоже не поверил, но сегодня был у него в больнице. Вот протокол допроса.

Следователь положил перед ним бумагу. Евгений, не отрываясь, смотрел на протокол. В его душе бушевал огромный вихрь из чувств. Чувства были разные: злость, что он не смог отомстить за отца, переплеталась с отчаянием, что все напрасно. Но больше всего было страха, что есть сила, которая решает, кому жить, а кому умереть, и эта сила намного больше и сильнее него. Эта сила и есть настоящий Бог. От этого стало еще страшнее.

— Фёдор Семёнович, мне все равно, что со мной будет дальше.

Тогда вся эта история закончилась еще более странно и нелогично: в преддверии очередного съезда пленума ЦК КПСС нужно было выйти на минимальный уровень преступности. Дело решили замять любым способом. Убийцу отца уговорили не давать показаний в суде против Евгения, а за это его поместили в психиатрию и признали невменяемым. Евгения сосватали в кумовья окончательно и бесповоротно. Отказаться он не мог. И сейчас, стоя у зеркала, он понимал, что долго не протянет, если ему не поможет специалист, который сможет привести в порядок его сон. Ощущения были — как будто он старый корабль с небольшой пробоиной, через которую медленно, но верно протекает вода. И в конце концов этот корабль утонет, если не заделать эту пробоину. Евгений сказал вслух, смотря себе в глаза в зеркале:

— Обстоятельства тонущего, который хватается за соломинку. И эта соломинка — пока что осужденный Аксёнов.

Делать было нечего, он нажал кнопку звонка. Вошел дежурный.

— Приведите ко мне заключенного Аксёнова.

Через полчаса привели Лёху. Лёха молча сидел на стуле, уставившись в окно, где был только бескрайний лес, и меланхолично о чем-то размышлял. Начальник, напротив, ходил нервно по комнате из угла в угол, пытаясь обратить внимание на себя. Лёха не реагировал, как будто ему было на-

плевать на все эти выходки начальника. Наконец начальник не выдержал:

— Ты знаешь, зачем ты здесь?

— Конечно знаю. Я здесь срок отбываю. — Лёха умиленно улыбнулся.

Начальник занервничал.

— Да не нервничайте вы так. Это совсем не больно. Просто смотрите на меня и повторяйте, что я скажу. — Лёха начал: — Мои ноги наливаются тяжестью. Я чувствую тепло, которое поднимается по моим ногам. Мне легко и приятно. Мои веки наливаются свинцом. Мои глаза закрываются. Я засыпаю...

На этом Евгений Васильевич вырубился в сон. Колдовал Лёха часа два, выудил из начальника всю нужную информацию и уложил его спать.

Проснулся Евгений Васильевич в восемь утра по местному времени. Вскочил с дивана, на котором спал одетый еще со вчера. Вызвал дежурного.

— А где Аксёнов?

— Так вы же его вчера приказали отвести в камеру.

Начальник ничего не помнил, но сделал вид, что забыл, хотя сам его вопрос тоже был дурацким.

— Ладно, принесите мне поесть, и быстро.

Евгений Васильевич не знал, что делать: или злиться на Лёху, или похвалить. Ведь он потерял контроль над тюрьмой почти на сутки. А за эти сутки в тюрьме и бунт мог начаться.

А он бы в это время преспокойно всё проспал.

Постучали в дверь. Дежурный принес завтрак. Евгений Васильевич ел со звериным аппетитом, как будто не ел несколько дней. Через десять минут тарелки были пусты. Он опять позвал дежурного, тот вошел.

— Повторите мне еще одну порцию завтрака.

Дежурный с удовольствием и улыбкой принес еще порцию. Он знал: сытый начальник всегда добрее. Начальник съел и это и ощутил себя в прекрасном расположении духа. «Вот теперь нужно поговорить с Аксёновым, — подумал он. — Что там этот колдун вчера наколдовал?» Начальник нажал кнопку вызова. Зашел дежурный и с улыбкой произнес:

— Может, еще раз повторить, Евгений Васильевич?

— Ты что, хочешь, чтобы я лопнул? Ты мне лучше приведи Аксёнова.

Через полчаса Лёха вошел в кабинет и вместо «заклученный Аксёнов и так далее» поздоровался:

— Доброе утро, Евгений Васильевич. Как вы себя чувствуете? Выспались?

Начальник ощутил, что выспался он прямо-таки отлично. Он даже и не помнил, когда он так высыпался.

— Слушай, герой, ты что там вчера наколдовал, что я сутки проспал, как в летаргическом сне?

— Да ничего особенного. Нужно будет еще пару раз с вами поработать — и все наладится.

— Что, хочешь заколдовать меня окончательно?

— Если хотите крепко спать, то это нужно сделать.

— Ну я доволен твоей работой. Проси — может, что-то нужно, в пределах допустимого.

— Да нет, ничего не нужно, все хорошо.

Лёха улыбнулся. Он лукавил: вчера во время сеанса он заставил начальника, чтобы тот распорядился по телефону принести Лёхе в камеру кипяtilьник и не делать в камере Лёхи обыск.

— Хорошо, когда следующие сеансы?

— Я вам сообщу, Евгений Васильевич. Разрешите откланяться восвояси?

Начальник приказал отвести Лёху в камеру.

В камере Владимир варил чай. Были сахар и сухие баранки с вареньем. Друзья пировали. Во время чаепития Владимир спросил:

— Лёха, ну ты расскажи, что там наш начальник?

— Начальник? Да у начальника дела плохи. Твой начальник заточил себя в двойную тюрьму и не понимает, как из нее выбраться.

— Как это? — спросил Владимир.

— Мало того что он отбывает срок своей жизни в этом заведении, так еще и заточил себя в тюрьму сознания, потому что объявил себя богом. Решил, что он всемогущий и все ему позволено. Вот смотри, Влад: все, кто здесь находятся — все в этой двойной тюрьме. Они решили переделать мир под себя так, как им удобно жить. И им плевать на всех окру-

жающих, они их вообще не воспринимают серьезно. И если что-нибудь происходит не так, как им хочется, они пойдут на любое преступление ради себя любимых: обман, воровство, мошенничество, убийство.

— А как же из этого выйти?

— Принять мир таким, какой он есть. Вот смотри: любой среднестатистический человек, если что-то не получается, что начинает делать?

— И что?

— Ищет виноватых вокруг. Редко кто скажет: «Да, я сам виноват, принимаю свои ошибки как жизненный опыт и больше не хочу повторять этот опыт».

— Но откуда это все берется, Лёха?

— Что именно?

— Весь этот негатив в сознании людей.

— Заложен от рождения.

— Кем заложен?

— Богом. Творцом.

— А для чего? Что, нельзя, к примеру, чтобы негатива не было? Ведь тогда все были бы счастливы.

— Тогда не было бы развития. Все ходили бы, улыбались в розовых очках, все было бы однобоко, стерильно — это был бы уже другой мир.

— А для чего Творцу вот такой мир?

— Чтобы люди стали богами, пропустили через себя все энергии и выбрали осознанно лучшее.

— И сколько же проходить это нужно?

— Может, десять, может, десять тысяч жизней — кто его знает.

— И че, Богу интересно столько времени сидеть и ждать, пока люди станут осознанными?

Лёха заржал, потом добавил:

— Так Бог и не ждет. У Него нет времени. Он живет вне времени.

— Как это — вне времени?

— Как это — не знаю. Могу только сказать, что с Его точки зрения все происходит одновременно. Ну, к примеру, вся история человечества.

— Лёха, это как-то в уме не укладывается.

— Да, не укладывается. Может, потому что наш ум — не такой большой, как мы думаем?

— Ну ладно, хорошо, а как мне стать осознанным?

— А тебе, Влад, нужно развить свои способности.

— И как их развить? До какого предела?

— Предела нет, Владимир. — Лёха заулыбался. — Нет, Владик, никакого предела. Мы с тобой с завтрашнего дня займемся Спасом. Я тебе дам Спас.

— Что такое Спас? От кого спастись будем?

— От самого себя, Влад. Больше не от кого. Только мы сами мешаем себе жить. Проще говоря, всё в нас: и рай, и ад.

На следующее утро Спасом заняться не получилось: в тюрьму приехала комиссия из Москвы. Во главе государства

встал Юрий Владимирович Андропов. И решили перетрусить все ведомства и поднять всю подноготную, дабы видеть, что, где и как происходит или не происходит.

Владимиру с Лёхой, как всегда, было нечем заняться. Владимир лежал на двухъярусной кровати сверху, Лёха — снизу. Каждый что-то думал о своем. Вдруг Владимир засмеялся.

— Че ржешь? — спросил Лёха.

— Да тут кое-что вспомнил. Хочешь поржать?

— Ну-ка, повесели народ.

Владимир повернулся на бок, чтобы Лёхе было лучше слышно, и начал рассказ:

— Была у нас дальняя родственница по имени Майя. Мы почти не общались, но иногда встречались на базаре. Ее отец всю свою жизнь торговал на рынке семечками.

— Уже смешно, — перебил его Лёха, похихикивая.

— Да не, ты послушай, самое интересное будет в конце. Так вот ее отец, дядя Стёпа, он же и полол все лето подсолнух, брал гектары и гнул спину на полях совхозов. Как-то мои родители подошли к нему на рынке и попросили немного семечек бесплатно. Дядя Стёпа как-то скривился в лице и сказал: «Жарко полоть». После этого стали общаться еще меньше. Так вот я был еще маленький, лет пять мне было. У нас жил старый облезлый кот без хвоста, звали его Куцехвостик. Как-то уже ночью, часов около двенадцати, кто-то стал ломиться к нам в калитку. Собака лаяла даже. Я проснулся

— оказалось, что это Майка приперлась с другого конца города в дрезину пьяная. Ей тогда было лет шестнадцать или семнадцать. Никто не мог понять, как она в это время добралась: транспорт давно не ходил, а пешком она бы до утра не дошла. В общем, стали Майю укладывать спать. Мать с отцом стали ее раздевать, а она голая. И тут в комнату на шум высунул свою морду Куцехвостик, увидел голую Майку и заорал, как резаный, забился под диван и стал орать. Пришлось открыть дверь на улицу и выгнать Куцехвостика на улицу. Майка на следующее утро быстро уехала домой, а Куцехвостика не было дня три. Родители все это время ржали, что Куцехвостик испугался голой Майки. Ну как тебе случай? — спросил Владимир.

— На самом деле случай печальный, — сказал Лёха. — Коты всегда видят параллельные миры и тех существей, которые находятся в людях. И что-то не очень хорошее он увидел в твоей родственнице.

— Тогда слушай еще одну историю про Майю. Через пятнадцать примерно лет Майя постарела. И у нее совсем не было груди. Она больше походила на мальчика. Работала она в доменном цехе, а там, как всегда, после смены пьянки-гулянки. Давно мы про нее ничего не слышали, и тут мама рассказывает такую историю. Мужик из этого цеха приходит домой с приятелем после вечерней смены, она заканчивается в 22:00, и говорит жене: «Вот работаем с парнем вместе, а ему далеко домой ехать, пусть он у нас переночует». А так

как спать толком негде, то муж с работником легли на диван, а жена — в другой комнате. Дальше мальчик-работник стал появляться у них все чаще. Этот мужик и говорит жене: «Пусть Серёжа поживет у нас». Ну жена вроде не против. Жил Серёжа, жил, пока жена не начала что-то подозревать. И в конце поймала их в постели — оказалось, это не Серёжа, а наша Майя. Ну как тебе жизненная история?

— Да смешного я тут совсем не вижу. А то, что эта сущность овладела твоей родственницей полностью, это факт печальный.

— Вот че ты, Лёха, не можешь поржать над простой историей?

— Да потому что я жизнь вижу иначе. Давай лучше попьем чайку. Там вроде еще оставалось немного. Когда тебе уже посылка придет?

— Ну так ты ж у нас всевидящий, вот и скажи. Да идет, уже скоро будет.

На следующее утро комиссия из трех человек ходила по всей тюрьме, совала носы во все углы и камеры и таскала за собой начальника, чтобы по любому поводу выносить ему мозги. Начальник безропотно, молча ходил за ними, снося все удары и пощечины. Он был похож на Христа, Которого бичевали и вели на Голгофу. Во всяком случае, так показалось Владимиру, когда вся эта компания пришла к ним в камеру.

Один из этой компании зашел в камеру, осмотрел ее из-

нутри и выдал:

— М-да, товарищ начальник тюрьмы, а почему у вас такая убогая камера?

Тут начальник хотел что-то ответить и уже открыл рот, как его опередил Лёха:

— А что, позвольте спросить, вам, собственно, не нравится? Нам лично все нравится в нашей уютной камере. Как-то так креативненько.

Незванный гость посмотрел на Лёху как на какого-то местного таракана, который посмел подать голос.

— Ты откуда такой умник взялся? — спросил он у Лёхи.

Лёха, не задумываясь, ответил:

— Из тех ворот, откуда и весь народ. — При этом продолжал смотреть на пришедшего.

— Ты что, сынок, хамить мне вздумал? — Комиссионный комиссар начал злиться.

— А что вы хотели от меня услышать, гражданин начальник? — спросил Лёха.

— Я вообще тебя слышать не хочу. — Он развернулся и вышел из камеры.

Начальника дальше повели на растерзание. Как какого-то шелудивого кота, который нагадил в комнате, тыкали носом во все несоответствия и недоработки.

К вечеру экзекуция закончилась, и вся компания поехала в Москву докладывать о результатах проверки. В тюрьме стало как-то тихо, хотя там и так было всегда негромко. Ночью

начальник не уснул: сидел за рабочим столом и курил папиросу за папиросой. Выхода не было: нужно было опять обращаться к Аксёнову. Ранним утром он нажал кнопку звонка. Зашел дежурный.

— Аксёнова ко мне срочно!

Лёха знал, что скоро его поведут к начальнику, он даже этому не удивился. Картина повторялась: Лёха сидел в кабинете и смотрел на лес, начальник нервно расхаживал из угла в угол, как загнанный волк. Лёхе надоело ждать, пока начальник родит слово. Было видно и так, что он не знает, с чего начать. Лёха заговорил первый:

— Да вы не волнуйтесь так, Евгений Васильевич. Небось всю ночь опять не спали? Вон глаза опять красные.

— Да, не спал. А как тут уснешь, когда тебя хотят вышвырнуть на мороз, как ненужную вещь?

— Ну ладно, сон — это я поправлю, не беда. А что не так для комиссии?

— Да все не так! Обязали меня ремонт сделать во всей тюрьме и сразу, только вот денег забыли дать. Сказали, чтобы своими силами справлялись. Вот ты, Аксёнов, случайно, не знаешь, как это — своими силами без денег справиться, а? Ты ж у нас умный!

— У вас, Евгений Васильевич, прямо как в том анекдоте.

— Лёха засмеялся.

— В каком еще анекдоте?

— Лежит цыган на кровати, а по комнате семилетний сы-

нок бегаёт. Цыган его к себе подзывает: «Васька, иди сюда». Тот подбегает: «Что, батько?» «Беги пулей в магазин, купи мне бутылку водки, колбасы на закуску и хлеба с папиросами не забудь. И чтобы одна нога здесь, другая там». Васька выскочил из дома и через пару минут возвращается. Цыган спрашивает: «Ты что, забыл что-то?» «Батько, а гроши?» «За гроши и дурак купит».

Начальник остановился и задумался, глядя в одну точку.

— Да, как в анекдоте, — как-то протяжно сказал он. — Если бы действительно можно было все сделать без денег... — задумчиво сказал начальник.

— Евгений Васильевич, а откуда им знать, делают ремонт или нет?

— А оттуда, Аксёнов, что на этот случай у них стукачок имеется. И вот он им все и доложит.

— А стукачок этот вам известен?

— Нет, но вычислить можно. Они общались только с некоторыми офицерами из персонала, в основном с Рыбиным. Этот Рыбин — еще та рыба.

— А если я вам скажу, что это не проблема, Евгений Васильевич?

— И как ты, Аксёнов, можешь мне помочь?

— Вы мне дайте бумагу и ручку или карандаш. Мы сегодня посидим с Владом, помозгуем, а завтра весь план вам доложу. И вообще, вам нужно поспать. Ложитесь-ка на диван, я вас убаюкаю.

Через полчаса начальник спал как убитый, а Лёха с тетрадкой в клеточку и карандашом шел, конвоируемый, к себе в камеру.

Глава 4. План

Пока начальник спал, как малый ребенок, в камере над тусклой лампой склонились над планом ремонта тюрьмы Лёха и Владимир.

— Значит так, Влад, сейчас записываем все, что придет в голову, даже если это будет полный бред, понял?

— Да, понял. С чего начинаем?

— С того, как без денег ремонт начать, — улыбнулся Лёха.

— Тогда записывай первое: нужно демонтировать и подготовить все, что будет впоследствии удаляться. К примеру, старая штукатурка, которая и так осыпается со стен.

— Правильно, молодец, Влад! — Лёха был в восторге, ему нравилось быть в потоке жизни. — Хорошо, едем дальше, что еще?

— Еще можно использовать ресурсы, которые можно взять без денег: к примеру, дерево, лес, песок как строительный материал.

— Молодец, Влад, светлая голова. Еще можно найти специалистов из сидельцев, — сказал Лёха.

— Ладно, по бесплатным идеям — все понятно. Теперь по платным...

Друзья замолчали. Каждый обдумывал варианты. Лёха поставил чайник. Молча попили чайку.

— Слышь, Лёха, а что, если организовать типа артель какую-нибудь, а?

— И что в ней делать?

— Да что-нибудь. Вот, к примеру, хоть те же шахматы резные. А че, ручная работа, резьба сейчас ценится, а?

— Да, молодец, Влад. Голова у тебя хорошо работает. Только вот кто ж тебе выдаст документы на эту деятельность? А если и выдадут, то заплатят копейки. Так что эта артель сама себя прокормить не сможет.

— А зачем тюрьме эти документы? — спросил Владимир.

— Можно договориться с любым председателем ближайшего колхоза — и он якобы у себя эту артель и откроет, и якобы сам со своими колхозниками это все будет делать.

— А взамен что мы ему сможем предложить?

— Любую посильную помощь: ну, к примеру, избы поставить, чтобы люди в город не разбегались. Процент от реализации продукции, к примеру.

— Слушай, Влад, че-то у нас все гладко получается на бумаге.

— Да, гладко было на бумаге, да замучили овраги.

— Ладно, утро вечера мудренее. Завтра на доклад к начальнику пойду.

На следующий день начальник проснулся поздно и уже по привычке попросил двойной завтрак. С удовольствием поел, но мысли его одолевали. В памяти всплыли события прошлых лет, когда его отправили служить в далекие края. Жена

решила остаться дома, собрать и отправить все вещи. Сказала, что приедет позже, когда рассчитается с работой. Евгений согласился, но жена так и не приехала, только написала письмо, что она не декабристка и у нее своя жизнь.

Потом произошли позавчерашние события. Евгений понимал, что он со своим прошлым негоден нынешнему начальству и его грузят невыполнимыми задачами, чтобы скочырнуть с этого места на пенсию. Евгений не представлял себе жизни на пенсии. Что он будет делать каждый божий день? Здесь он хоть чем-то занимается, что-то решает, что-то делает — одним словом, живет. Пенсия была смерти подобна. Он подошел к зеркалу, увидел выпавшееся сытое лицо и сказал вслух:

— Не было бы счастья, да несчастье помогло. Что там, интересно, придумал Фокусник? Нужно его пригласить к себе.

Лёха зашел в кабинет по-деловому, поздоровался, попросил разрешения присесть на стул.

«Да, — подумал начальник, — ловкий малый, с ходу берет быка за рога».

— Ну рассказывай, что вы там придумали с повелителем крысиного царства? Может, здесь тоже приручим крыс, чтобы они нам деньги таскали? — Начальник даже рассмеялся.

— Нет, Евгений Васильевич, вы всех крыс потравили, некому деньги носить. Теперь придется обходиться своими силами, — парировал Лёха.

Он открыл тетрадь и изложил все идеи. Начальник заду-

мался. Минут через пять сказал:

— Рациональное зерно во всем этом есть, но план сырой и требует доработки. Вот, к примеру, кто будет вести переговоры с председателем колхоза? Не факт, что он согласится.

— Мы с Владом поедem и договоримся. — У Лёхи от задора блестели глаза.

— Ну да, и оттуда вы с твоим повелителем крыс и свалите, да?

— Да ну, Евгений Васильевич, какой в этом смысл? И сколько мы пробегаем? Если еще нас при попытке не постреляют. Мне лично интереснее сделать что-то полезное, чем без толку бегать, как волк от охотников.

— Смотри у меня, Аксёнов, надеюсь на твою сознательность!

На самом деле начальник не надеялся ни на какую сознательность. У него просто не было никакого выхода, и он прекрасно знал, что сам не сможет вести переговоры, так как привык только командовать.

— Только нам нужна будет одежда. И бумага, дающая полномочия от вас для заключения договора.

— Что еще нужно? Говори сразу.

— Еще нам нужен хороший бухгалтер или экономист.

— Ну это мы найдем.

— Еще нужно пообщаться со смотрящим.

— А это для чего?!

— А как вы собираетесь реализовывать продукцию на во-

ле?

— Да я с ним как-то не сильно поладил, не сошлись характерами.

— Евгений Васильевич, когда интересы всех сторон будут учтены, все уладится.

— Ох, Аксёнов, мягко же ты стелешь, как бы жестко спать не пришлось.

— Ну пока что вам прекрасно спится, Евгений Васильевич.

— Ладно, что еще?

— Еще нужно будет помещение или несколько помещений для трудовой деятельности.

— Есть тут на первом этаже много закрытых дверей. Никто даже не знает, что за ними, нужно посмотреть.

— А как же план здания?

— В плане они даже не указаны. И вообще нет никаких сведений, когда было построено это здание и с какой целью.

— Ну и дела! — сказал Лёха.

— Аксенов, а что со стукачом делать?

— Нужно для начала понять, точно ли это Рыбин. В общем, устроим типа совещания, пораскладываем какие-нибудь бумаги на столе, и вы будете вызывать всех, с кем общалась комиссия — якобы что-то уточнить. И понаблюдаем, как кто будет себя вести.

— Ну это ладно, а что потом?

— А потом нам нужно будет сделать ремонт хотя бы в

одном помещении.

— Для чего?

— Для того, чтобы я стукача ввел в регрессивный гипноз и закорил его сознание на этом помещении. И при докладе вверх у него будет включаться эта комната — и он будет говорить, что все хорошо, ремонт делается.

— А про все остальное?

— Про все остальное он будет молчать, потому что вы всем сотрудникам повысите жалование — и никто же не захочет, чтобы ему платили меньше. А поэтому все будут молчать.

— Хитро, Аксёнов. А если не сработает?

— Человеческая жадность всегда срабатывает. А если нет, то можете меня расстрелять. — Лёха заулыбался.

— Так, с чего начинаем, умник?

— Поговорите со смотрящим. И нужно будет собрать всех авторитетов для общего обсуждения и согласия. А пока нам с Владом нужно съездить в командировку.

— Хорошо, Аксёнов. Завтра придете мерить одежду, а послезавтра поедете. И вы должны успеть до вечерней поверки — иначе вас объявят в побег.

— Тогда нужно выехать пораньше, часов в пять утра. Ну что, я могу быть свободен?

— Да, только забери посылку Чудинову.

Лёха от радости вскрикнул:

— Ура!

Глава 5. Куркули

На следующий день Владимира и Лёху повели на склад мерить одежду. Одежда была военизированной тюремной охраны. Одежду подобрали там же и отгладили. И следующим утром, в пять часов, поехали на УАЗе начальника в ближайший колхоз, до которого можно было добраться часа за три с половиной по местным дорогам. Перед этим начальник позвонил директору и предупредил, что приедут представители с деловым предложением для дальнейшего взаимодействия.

Добрались быстро, благодаря замороженным дорогам. На въезде в поселок Лёха попросил остановиться, вышел из машины. Было видно, что он сильно удивлен. Вслед за ним вышли Владимир, водитель и двое охранников. Все стояли и смотрели на поселок, как баран на новые ворота. Первым сказал Лёха:

— Куркули, не иначе.

Все посмотрели на Лёху. Владимир переспросил:

— Что такое куркули?

— Те же кулаки, которых в тридцатые годы раскулачивали.

Один из охранников утвердительно кивнул и добавил:

— Ну да, похоже.

И тут Лёха решил поприкалываться над охраной. Он сде-

лал задумчивую физиономию и серьезно сказал:

— Да нет, не может быть. В Советском Союзе так не живут. Ты куда нас привез, командир? Мы что, сбились с пути и перескочили границу?

Водитель запаниковал. Все остальные вопросительно посмотрели на него. И тут Лёха заржал:

— Да шучу я, шучу.

Все как-то с облегчением выдохнули. Водитель посмотрел на Лёху и коротко выпалил:

— Ты так больше не шути, Фокусник.

Все, не торопясь, сели в машину и поехали по поселку. Он был длинный, одна усадьба занимала от тридцати до ста соток. Дома были хоть и деревянные, но в большинстве своем двухэтажные. На первых этажах были в основном сеновалы. К ним примыкали хозяйственные постройки и сараи для скота. И только бани стояли довольно далеко от основных построек. Такого частного хозяйства никто из приехавших никогда не видел. Вся колхозная техника работала в частных руках. По дороге попался даже бульдозер-«сотка» — видно, оставленный строителями дорог, когда еще сюда дорогу строили. Владимир, глядя на все это, тихо сказал:

— Да, видно, трудно будет с директором договариваться. Народ как-то приуныл.

Подъехали к сельсовету, но он был закрыт, хотя время было уже около десяти утра. Лёха подергал навесной замок, уныло болтавшийся на двери, и сказал:

— А где же весь народ?

Тут до них донесся звук издалека едущего УАЗа. Через минуту подъехал мужичок лет шестидесяти пяти, бодро вышел из машины и поздоровался:

— Здорово, служивые. Че на закрытую дверь пялиться? От нее толку все одно не будет. Садитесь в свою машину — и айда за мной.

Гости переглянулись, молча сели в машину и поехали за мужиком.

Приехали на окраину. Там стоял небольшой терем, и рядом топилась баня. Мужик пригласил в дом. Это был предбанник, который соединялся с самой баней. Оказалось, это колхозная баня. В тереме стояли длинный стол, лавки. На столе было накрыто, много всяких яств. Как полагается, стояло две четверти самогона. За столом сидело человек десять, которые гомонили о своем, а потом замолчали и стали внимательно разглядывать приехавших.

— Ну проходите, раздевайтесь. Че встали? Присаживайтесь за стол. Небось с утра-то ничего не ели.

Приехавшие сняли армейские фуфайки, помыли руки и сели за стол. Тут Лёха скромно сказал:

— Нам бы с директором поговорить. Вот наши документы.

Он вытащил из кармана сложенный листок и развернул его.

— Да на фига мне ваши бумажки? Тебя как зовут?

— Алексей, — ответил Лёха.

Все остальные назвали свои имена. Местные мужики протянули руки и назвали свои.

— Ну вот и хорошо. А меня зовут Максим Петрович. Я и есть директор.

Максим Петрович был больше похож на сторожа того же самого сельсовета, чем на директора. Он посмотрел с улыбкой на приехавших и как будто угадал, о чем те думают. Сказал:

— Шо, не похож? Ну извините, другого нет. А лапсердак и галстук не имею. У нас тут приемов важных не заведено. Тогда, раз мы познакомились, то надо закрепить. — И Максим Петрович торжественно скомандовал: — Галя, лей!

Из боковой комнаты вышла миловидная женщина лет сорока. С ней вышли еще две помоложе. Галя разливала самогон в стаканы, две остальные наливали в тарелки борщ. У присутствующих от удивления, что они попали с корабля на бал, глаза лезли на лоб. Максим Петрович продолжал командовать:

— Первая — за знакомство.

Все выпили граммов по сто пятьдесят домашнего самогона. Как оказалось, это был первач.

— Гости, закусывайте, закусывайте.

Гости взялись за борщ. Местные же, напротив, со знанием дела стали закусывать копченым салом, луком и хлебом, которого здесь стояло больше, чем всего остального. Мало-по-

малу обстановка разрядилась, прошел официоз, народ разговорился кто о чем. Выпили по третьей. Владимир изрядно закосел. У Лёхи тоже язык стал заплетаться, хотя он все больше слушал. Тут Максим Петрович постучал ножом по бутылке и сказал:

— Хорош гомонить! Давайте послушаем наших гостей. Они к нам по делу приехали.

Все затихли. Лёха взял слово:

— Дорогие товарищи, в связи с политической обстановкой и решением партии...

Лёха не договорил, его перебил директор:

— Алексей, мы что, на пленуме ЦК КПСС? Давай-ка попроще.

— Ну, если попроще, была у нас комиссия из Москвы. Обязали сделать ремонт своими силами.

В комнате повисла тишина.

— Вот так так. Дайте попить водички, а то так есть хочется, что переночевать негде.

Народ заулыбался.

— И что вы делать думаете?

— Да есть кое-какие мысли, — вставил Владимир.

— Ну-ка, просвети, — сказал директор.

— Создать совместную артель.

— А поподробнее?

— Мы не можем заниматься торговой деятельностью, продавать то, на чем можно заработать. Точнее, можем, толь-

ко нам дадут план и обяжут делать какую-нибудь ерунду, за которую заплатят копейки, а остальное всё вычтут — и это будет напрасный труд. А вот если вы сделаете документы, что артель создана в вашем колхозе, то вам еще и дотацию могут государственную дать — в общем, денежную помощь.

— И что от нас требуется?

— Документы, помещение мест на тридцать, чтобы там были печка, столы для резьбы по дереву и лавки, чтобы сидеть. Еще нужна доска будет, и брус, и еще гвозди. Правда, пока еще не придумали, где цемент брать.

— Помещение мы вам организуем, и документы тоже, а кто же там работать будет?

— Никто там работать не будет.

— А что же тогда артель производить будет?

— Пока — шахматы и нарды. Потом — может быть, еще что-то.

— И откуда это все возьмется?

— Мы будем делать это всё у себя.

— А кому ж мы это всё продадим? Медведям, что ли?

— Вам не нужно ничего продавать. Мы всё сделаем сами. Вам только нужно будет посчитать, сколько вы нам досок продали, и получить за них деньги.

— То есть мы вам продаем пиленую и строганую доску и получаем деньги? Я правильно понял?

— Да, правильно.

— И какая цена?

— По той цене, сколько доска стоит в городе.

— Так в городе доска дороже намного.

— Ну так и заработаете больше. Единственное, если придет какая-нибудь комиссия, что делать?

— Так это, Владимир, не беда. Пусть едут, я им скажу, что бригада в запое, зарплату получили и запили.

Все засмеялись.

— Ну, ребята, хитро вы придумали, уважаю. Кто ж у вас такой головастый?

— Да общими усилиями, — ответил Владимир.

— В общем, так, — подвел итог директор. — Гвозди мы вам из районного центра привезем. Только купите их за свои деньги. С цементом пока не знаю, как вам помочь. Дорогой цемент, и привозка тоже.

— Максим Петрович, а сколько до райцентра?

— Не очень далеко — восемьдесят километров. А до ближайшего города — двести семьдесят. Ну, в общем, так, ребята, — сделал заключение директор, — считайте, что мы договорились. Можете присылать к нам своего юриста, будем оформлять всё документально, чтобы комар носа не подточил. А теперь пошли в баньку.

Баня была большой, вся компания легко в ней поместилась. Владимир после парилки присел с директором, который пил какой-то душистый чай из трав, и продолжил ковать железо, пока горячо.

— Максим Петрович, скажите, вы планировали что-то

строить в этом году?

— Да нужно коровник и свинарник строить, а то в старые уже волки зимой пробираются, спасу от них нет.

Владимир услышал слово «спас» и вспомнил, что Лёха хотел его чему-то научить, но события последних дней помешали их планам.

— Максим Петрович, мы могли бы помочь вам с рабочей силой, если, конечно, нужно.

— Конечно нужно, кто же откажется. Сколько людей сможете дать? И что им платить?

— Человек тридцать сможем выделить на летний период, а по оплате — кормежка ваша. И просчитаем, сколько вам выгодно. Возьмем мясом, овощами. И я тут у вас видел пасеку — может, немного медку нам дадите.

— Ну что ж, если вы нам за лето постройте два барака, каждый по сто метров в длину — материал мы вам подготовим и технику, всегда кто-нибудь будет на подхвате — то мы не обидим, с вашим бухгалтером всё обсудим, посчитаем, и результаты он вам доложит. Видишь, Владимир, у нас, как ты заметил, поселок большой — больше двух тысяч человек живет, а все равно людей не хватает. У каждого свое хозяйство, а свое хозяйство — прежде всего, такой у нас закон Севера.

Тут как раз подошел Лёха, который до этого был в парилке. Услышал последнее предложение и сразу влез в разговор:

— А скажите, Максим Петрович, вы коренные жители

этого поселка?

— Алексей, здесь вообще нет коренных жителей. Да и поселка этого тоже никогда не было.

— Как так не было? А откуда тогда это все взялось?

— Из Запорожской области, что на Украине.

— У Лёхи глаза полезли наверх.

— Вы что, из Запорожья, Максим Петрович?

— Да, а что не так?

— Да все так, просто мы земляки с вами.

— Эка невидаль, Алексей, а вас-то как сюда занесло?

— Да это длинная история. Как-нибудь расскажу. Тут больше интересно, как вы сюда попали?

— После революции 1917 года Ленин, как вы знаете, раздал землю крестьянам. Только, правда, не столько, сколько кто хотел.

— А сколько хотели, Максим Петрович?

— Так хохлу всего мира будет мало. Человеческая жадность не знает границ. Если бы хохлу сказали, что землю на Луне раздавать будут, он бы и туда прилетел.

Лёха с Владимиром рассмеялись.

— Ну и что было дальше?

— Ну вот и стали друг другу завидовать. Кто понаглее — при вспашке по половине сотки соседа давай припахивать себе, а тот в отместку вилы ему в живот — вот и вся недолга. Продолжалось это до 1927 года. Народ за землю воюет всем, что под руки попадет. Дошло это до Иосифа Вис-

сарионовича Сталина. Тот и говорит: «Предложите людям, которые хотят обрабатывать больше земли, переезд и столько земли, сколько они смогут обработать». Вот нам сначала предложили по-хорошему, так нет, хохлы вцепились зубами в эту землю, как клещ в шкуру: ни за что мы, дескать, не поедим, это наша земля. Тогда на следующий год подогнали на станцию эшелон вагонов Столыпина. Два часа на сборы: кто что успел взять с собой — тот и герой. Привезли вот сюда, выгрузили и говорят: «Вот вам земля. Берите, сколько глаза глядят, обживайтесь и живите». Первые три года было тяжело. Мне тогда было пятнадцать. Пока избы-временки срубили, пока быт наладили, охота, рыбалка... А потом полегче стало. Даже в Великую Отечественную было что поесть. Я, правда, когда женился, уже после войны, тоже сначала кровной жадностью страдал. Бывало, что и по двадцать кабанов выращивал. Да только быстро понял, что дурь эта жадность. Больше двух кабанов не нужно, и тех за глаза хватит.

— Ну а если мы, к примеру, с Владимиром после службы решим поселиться у вас, то землю нам для огорода дадут?

— Ну а че, бери, пожалуйста.

— Ну так это ж нужно, чтобы землемер пришел, все записал, отмерил.

— Слушай, Алексей, если тебе нужно — бери, пиши, че ты там писать хочешь. Нужно мерить — иди, мерь, что хочешь. А у меня свои дела.

Лёха не унимался, ему было интересно, где границы доз-

воленного.

— А скажите, сколько можно взять?

— Алексей, выгляни в окно. Ты дорогу видишь?

— Да, вижу.

— Ну вот где дома заканчиваются, можешь пахать. Хочешь — справа, хочешь — слева от дороги.

— А докуда можно пахать? — не унимался Лёха.

— Да можешь смело пахать до самого районного центра. Хоть с обеих сторон. Дальше нельзя — там уже другое начальство.

Владимир заржал над Лёхой.

Договоренности были достигнуты, и вся компания гостей отбыла восвояси.

Глава 6. Вор

В то утро, когда начальник тюрьмы отправил послов в колхоз на переговоры, сам решил встретиться со смотрящим, которого до этого ни во что не ставил. Ему никак не нравился этот воровской образ жизни. Но в данных обстоятельствах, когда нависла угроза выхода на пенсию, приходилось мириться и принимать это мир, прекращать войну в переносном смысле и искать союзников среди бывших врагов, так как былые друзья стали врагами и решили тебя съесть.

Около полудня в кабинет вошел вор в законе, смотрящий за тюрьмой: Чесноков Юрий Алексеевич, известный под именем Чеснок, или Честный.

— Будь здоров, начальник. Чего звал? — начал Чеснок.

Посмотрев на грустную маску на лице начальника, понял, что тому несладко. «Ну ладно, — подумал он. — Хорошо, хоть не скачет тут передо мной с шашкой наголо, как Василий Иванович».

— Сдается мне, начальник, это тебе московское начальство настроение испортило?

Начальник повернулся к вору и честно сказал:

— Даже не знаю, с чего начать.

— А ты начинай с самого конца, чтобы долго вола не водить.

— Хотят меня под зад коленом на пенсию отправить. И

не просто, а выгнать как не справившегося с обязанностями. Навязали сделать ремонт, да еще и за свои деньги. Ну, которые выделяются на содержание тюрьмы. Обложили меня, как волка красными флажками. — Начальник замолчал.

— Во волки! — все, что ответил Чеснок.

Минут пять была тишина, потом Чеснок спросил:

— И что ты думаешь делать?

Начальник собрался с мыслями и сказал:

— Ремонт, что ж еще?

— А меня зачем звал?

— Нужны специалисты разные, которые смогли бы работать.

— Так в этом заведении такие есть специалисты, что ты себе даже не представляешь. Вот Конь, к примеру, ты думаешь, за что сюда прискакал?

— Это Конев?

— Да, Конев Вова.

— В деле написано что-то, что использовал государственные производственные мощности в собственных целях.

— Ну да, и за это ему к пятерке за воровство прилепили еще десятку и отправили сюда, в тюрьму для особо одаренных? Ты сам подумай, такого не бывает.

— А что произошло на самом деле? — спросил начальник.

— А на самом деле Конь сидел себе на обычной зоне, работал там каким-то прессовщиком на прессу. Они там ка-

кие-то железки штамповали. И тут блатные дают ему поручение: нужно по этапу передать два килограмма чая в другую зону. А как это сделать? Как ты спрячешь два килограмма чая? Ну Конь и додумался — сделал круглую матрицу: ну, наподобие, если по-простому, взять, отрезать от ручки швабры десять сантиметров — вот такой предмет получится. И стал прессовать чай. В общем конечном результате у него получилась круглая палка: пятнадцать миллиметров шириной и десять сантиметров длиной — чая, спрессованного десятитонным прессом. Твердая настолько, что нож еле отщипывал от нее крохи. Решили они с корешем опробовать плоды трудов праведных. Настрогали немного, пока руки не устали, больше сил не было строгать, да и заварили в кружке. Чифирь получился такой, что Конь вообще пить отказался, сказал, что этим ядом только гадюк травить можно. Ну, в общем, все получилось. Чай доставили в зону, и дело пошло, заказы посыпались. Про это узнало начальство. Конь пригласил и начальство. И тут к ним нагрянула комиссия — какой-то главный генерал из Москвы приехал. Дали Коню индийского чая «три слона». Конь запрессовал его, решили угостить генерала. Как положено, накрыли стол, коньяк, закуски. Генерал довольный, хорошо принимают. А в конце говорят: «Есть у нас чай фирменный, наши специалисты новшество сотворили, сейчас мы вас угостим». При нем настрогали немного, заварили чай, крепкий, вкусный. Генерал удивляется, хвалит, и ему интересно, он все расспраши-

вает: «Как сделали?» Ему всё объясняют, а ему еще интереснее: «А зачем они его прессовали?» Ему и говорят: «Чтобы провезти в другую зону, чтобы спрятать можно было». И тут до генерала начинает доходить: «Где спрятать?» А начальник тюрьмы и говорит: «Известно, где зэки прячут — в заднем проходе, больше нигде». Генерал вскочил — и в туалет блевать. Проблевался, умылся, выходит из ванной и говорит: «„Три слона“, говорите? Ну я вам устрою „три слона“, чтобы вы знали, как генерала чаем из жопы поить! Быстро ко мне этого специалиста!» Привели Вову Коня. Генерал его взглядом буравит, Конь ничего не поймет. Смотрит — кум бледный, навтыяжку стоит, как пионер. Ну он с перепугу и ляпнул: «Гражданин начальник, как вам чай наш фирменный?» Генерал совсем взбесился, взял его за петельки и орет ему прямо в лицо: «Молодец, рукодельник, присуждаю тебе Ленинскую премию в десять лет тюрьмы особого назначения! А ты, — повернулся он к куму, — заработал волчий билет. Теперь тебя даже сторожем в сельский магазин не возьмут на работу».

Чеснок замолчал.

— Так ты что, решил мне этого специалиста подсунуть, чтобы и меня выгнали? — с улыбкой спросил начальник.

— Нет, начальник, я хотел, чтобы ты понял, какие умы у нас есть. Так для чего ты меня позвал? Ты конкретное что-то хочешь предложить?

— Да. Завтра нужно собрать всех авторитетов. Есть дело.

Вор с удивлением посмотрел на начальника тюрьмы, как будто это был совсем другой человек.

— Да, — сказал вор, — обстоятельства по-разному меняют людей. И враги могут оказаться по одну сторону баррикады.

Глава 7. Черная масть

На следующий день в так называемой ленинской комнате, там, где собирались все служащие тюрьмы, собралось девять человек: Чеснок, специалист по сейфам и замкам Миха, вор-карманник Шустрый, катала Джокер, вор-рецидивист Малый, вор-рецидивист Студент, Лёха Фокусник, Владимир Крыса и начальник тюрьмы. Обстановка была непринужденная. Воры заварили чай. Начальник принес баранки. Все с любопытством ждали, что будет дальше. На их воровской доле таких событий никогда не происходило, да и не слышал никто ничего подобного. Первым начал начальник:

— Сейчас первым делом Фокусник нам доложит, что они там вчера наездили со своим кентом, а потом уже я весь расклад дам.

Лёха не успел открыть рот, как Студент запротестовал:

— Начальник, кого ты нам подсовываешь? Фраер дешевый, непонятно какой масти, да еще и зеленый, как щегол.

Лёхе это не понравилось, и он сразу отреагировал:

— Я, конечно, понимаю, Студент, ты вор авторитетный. Тогда поясни, в чем мой косяк?

— А ты знаешь, мой юный друг, что надевать ментовскую одежду запаadlo? А вы, шушера ряженная, вчера со своим кентом Крысой в машину садились в ментовской форме. Что, как тебе предьява?

Начальник заволновался и не знал, как помочь Лёхе. Лёха тоже молчал. Студент, довольный собой, добавил:

— Что молчишь? Сказать нечего? — Он засмеялся каким-то злым смехом.

Лёха как-то медленно начал говорить:

— Студент, вот если бы у тебя была наводка на кассу с большими деньгами и для этого нужно было зайти туда в ментовской форме, ты бы что, отказался?

— Ну так то ж дело!

— Ну вот считай, что и мы вчера ходили на дело. Ты сам подумай: если бы мы туда заявили в лагерных клифтах, кто бы с нами стал разговаривать? Вот и подумай, кто простому народу ближе: менты или зэки?

Студент не знал, что сказать. Да и что за дело такое, тоже никто пока не знал. И отговорился нейтральными выражениями:

— Мне мой лагерный клифт дороже ментовской формы.

— Да я с тобой не спорю, уважаемый, — дожимал Лёха.

— Только кент мой, как ты сказал, Крыса такую дыру вчера прогрыз, чтобы нам всем жилось получше!

Тут решил вставить слово Чеснок:

— Ша, Студент! Ты давай, говори, мил человек, что вы там наездили.

Лёха решил сказать коротко:

— В общем, так, договорились мы обо всем. Местные дадут нам всё, чтобы запустить собственное производство.

Тут запротестовал Мальый:

— Какое еще производство? Вы в какой блуд нас заводите? Вы что, по-простому объяснить не можете? Куда вы нас втягиваете?

— Ша все! — заорал Чеснок. — Поимейте терпение послушать на одну минуточку.

Слово взял начальник:

— Конечно, разговор у нас начался шершаво, поэтому буду говорить по делу, всех интересующему. Меня обязали сделать ремонт в тюрьме за свои деньги — те, которые выделяются на содержание тюрьмы. Естественно, этих денег едва хватает на еду, не говоря уже обо всем остальном. Мы придумали запустить производство, про которое не будет знать вышестоящее начальство — иначе денег нам не видать, как своих ушей. И тогда меня отправят на заслуженный отдых, а вам пришлют другого начальника. — Евгений Васильевич замолчал.

— Это что же получается? — сказал Миха.

За него договорил Чеснок:

— Это получается, что будет «красная зона». Вы все знаете, что это такое. Говори дальше, начальник. Мы всем миром подумаем, как лучше сделать. — Все утвердительно закивали. Начальник продолжил: — Местные нам будут поставлять пиломатериалы, которые нам нужны. Из них нам нужно будет производить шахматы и нарды, которые мы сможем продать — и на вырученные деньги сделать ремонт. Вопросы

есть?

— Да, вопросы есть, и вопросов много, — сказал Чеснок.

— К примеру, как сбывать продукцию?

— А ты, Чеснок, через волю сможешь решить эту задачу?

— Обещать я ничего не буду. Могу поинтересоваться. Но ты представляешь, начальник, цену вопроса? Ведь там торговаться не будут, просто назовут цифры и скажут всего один раз.

— Да, поинтересуйся, Чеснок. У нас у всех выбор невелик.

— Ну а что мы можем предложить людям, которые работать будут?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.